

Калейдоскоп впечатлений

В дрожащей пелене полузакрытых век Игорек увидел, как мать привстала с Русланом, при этом его набрякший, сильно уменьшившийся член выскользнул из влагалища женщины, и упал ему на живот. Мать перекинула ногу через лежавшего с томным видом парня и слезла на пол, при этом ее большие, чуть обвисшие молочно – белые сиськи с большими темными ореолами и торчащими коричневыми сосками заколыхались в такт движениям. Игорек зажмурился, в ужасе, что мать заметит его преступное бодрствование, сердце паренька отчаянно забилось, и горячая волна окатила его с ног до головы. В отчаянии Игорек ждал громового материного возгласа и неизбежных после этого затрецин, и знал, что такого стыда ему не пережить.

Через несколько невыносимых мгновений тишины паренек услышал скрип половиц и шаги, удалявшиеся в сторону ванной. Он услышал щелчок выключателя, скрип отрываемой двери и звук запираемого засова, и понял, что мать уже в ванной и гроза миновала.

Облегчение нахлынуло внезапно, как до этого ужас, до такой степени, что парень позволил себе чуть улыбнуться. С чего это он вдруг решил, что крика и затрецин ему не избежать? Как будто мать каждый день ловит его на подглядывании за тем, как вдоволь натрахавшись, она встает во всей красе с чужого члена, при этом продемонстрировав сыну подбитую промежность с еще раскрытым розовым зевом, формой хранящий память побывавшего в нем гостя?

В ванной комнате включился душ и раздался шорох сдвигаемой пластиковой двери душевой кабинки. Игорь продолжал лежать в одной позе, тело его затекло, но он боялся повернуться, чтобы не выдать себя Руслану. Может сделать вид, что он просыпается? Нет, это будет слишком опасно. Чтобы отвлечься, паренек стал думать об очередном невольном подарке со стороны матери, ее вожделенном нижнем белье, стопроцентно брошенном в стоящий сбоку от душевой кабинки пластмассовый ящик.

Почему стопроцентно, спросите вы? Такой маленький сластолюбец, как Игорек, за два с лишним года тайных вожделений матери досконально изучил ее привычки, связанные с интимной гигиеной, прежде всего с использованием ее трусиков, трусов, стрингов, рейтузов и ночных шортиков. Например, он знал, что мать обязательно принимает душ каждые два дня и в этом случае корзина для белья в ванной комнате их квартиры обязательно будет иметь возбуждающий донельзя для Игорька подарок. В иные дни она просто подмывалась и трусов Игорь в корзине не находил.

Многим людям, даже влюбленным и поэтам, никогда не испытать того напряженного и нетерпеливого ожидания, с каким молодой пацан прислушивался к льющейся воде в ванной комнате, кусая губы и заламывая вспотевшие пальцы, даже не пытаясь вдуматься в происходящее на экране телевизора или мониторе компьютера, ждал, когда мать выйдет из ванной, обмотанная полотенцем и пройдет в спальню. Все время после этого он был мрачен и молчалив с матерью, бурча и отказываясь от предлагаемого ужина и взывая про себя «спи, спи». После того, как мать, наконец, укладывалась, Игорек выжидал не меньше часа, рассеянно тыкая в кнопки телевизионного пульта, и прислушиваясь. Тело его, подобно телу молодого хищника, было напряжено и готово к прыжку, в данном случае в ванную.

Малейшее отступление матери от установленного графика, например, когда она вставала и шла в кухню попить воды, приводило к обнулению счетчика и новому часовому ожиданию. Это вызывало в нем сильнейшую молчаливую ярость, словно мать должна была ему и не выполнять своих обязательств.

Зато когда стрелка дешевых настенных часов, наконец, показывала, что прошел долгожданный час, Игорь бесшумно вставал и на негнущихся ногах шел в ванную, напряженно прислушиваясь к малейшему подозрительному звуку, кроме храта отца, могущему исходить из родительской спальни. В ванной он дрожащими от вожделения руками тихонько закрывал дверь на засов и прежде всего разматывал и раскладывал по полу рулон туалетной бумаги, чтобы в случае форс – мажора доказать ломящейся в дверь матери наличие ураганного поноса или наоборот сильнейшего запора. За все два года мать ни разу к нему не вломилась, но трусливый Игорек со старанием долго ожидавшего развратника каждый раз раскладывал свою маскировку.

О, эта корзина с бельем, стоящая между унитазом и белой ванной еще советского образца! Никчемная и дешевая сама по себе, она была символом всего неизведанного и бередившего душу невинного молодого самца. Часто она являлась пареньку во сне и тогда он просыпался взмокший и судорожно вжимался напряженным членом в простынь, пытаясь унять частое сердцебиение. Эта простая с виду корзина хранила множество дорогих сердцу и члену Игорька вещей: реликты в виде слипшихся в районе влагалища классических белых хлопчатобумажных трусов, черных стрингов с засохшими белыми выделениями на нитке промежности, а то и любимые маленьkim сластолюбцем розовые ночные трусики – шортики без следов выделений, но пахнущие настолько терпко и пряно, что бедный Игорек совершенно терял голову, в исступлении натирая об них покрасневшую и набухшую головку члена и дрошил, дрошил, дрошил... Кончал он всегда бурно, в исступлении дергая себя за член, с трусиками – шортиками на голове, высовывая язык и нализывая кусочек ткани, прикрывающий такую любимую и такую недоступную мамину дырочку...

В то время как для обычного подростка праздником можно было назвать любое веселье в кругу себе подобных с девчонками, выпивкой и катанием на машинах/мотоциклах, нашему герою лучшими праздниками были дни, когда мать с отцом уезжали куда нибудь вдвоем или поодиночке на сутки или больше. А если вдобавок мать в тот день забывала постирать грязное белье, Игорю была обеспечена гора блаженства. В такие редкие дни паренек вставал с постели поздно, лениво шел в ванную, снимал трусы и принимал очень горячий душ. Затем, с чувством, толком и расстановкой, не боясь внезапного прихода кого – нибудь из родителей, открывал корзину, перебирал мамино ношеное белье, выбирая себе что – нибудь этакое. В прошлый такой раз Игорек нашел ранее невиданные черные трусики с дыркой выше промежности, как раз по диаметру члена, ха ха....

Хорошенько нанюхавшись, он нацеплял их на себя, просунул член в дыру и посмо трел в зеркало – «пойдет». Надо сказать, наш Игорек был парень хлипкий, но с довольно широкими бедрами, и все равно мамино белье приходилось зацеплять в районе пояса прищепкой, чтобы не сползало. Нацепил мамин вылинявший лифчик, пахнущий терпким женским потом, он отправился завтракать. В подобном виде Игорек ходил все дни своего одиночества, а вечерами наступал пик торжества, когда возбужденный паренек обильно кончал на промежность подставленных маминых белых трусов, долго возил головкой члена по полоске промежности, размазывая сперму по подсохшим маминым выделениям, смешивая свои и

мамины соки, затем принимал холодный душ, насухо вытирался, доставал из корзины для белья и натягивал на себя очередные мамины стринги, а потом, счастливый и умиротворенный, ложился спать.

Игорек внезапно вспомнил, что в последний момент сквозь дрожащие векиглядел направляющуюся в ванную мать, ее подрагивающие при ходьбе, контрастирующие с темным загаром спины и ног молочно – белые немного отвислые полные ягодицы, вспомнил с возрастающим возбуждением, что вроде трусы мама сняла запоздало, уже в разгар своего с Русланом коитуса, а значит трахать ее парень начал, просто сдвинув в сторону полоску белья, представил себе, какого тогда запаха и вкуса будут трусики мамы, обильно пропитанные соками возбуждения иекса, и сердце его радостно затрепетало, как всегда трепетало в предвкушении чего то неизведанного иексуального, связанного с объектом его вожделений. Задумавшись, Игорек задремал, пока не услышал, что из ванной комнаты вернулась мать. Руслан, оказывается, давно спал, похрапывая на боку. Услышав скрип стенного шкафа, Игорь осторожно приоткрыл глаза и увидел стоящую спиной к нему мать, перебирающую пакеты с бельем. Мама была в синем купальном лифчике и в белых хлопковых трусах, и видимо, искала недостающую часть купального туалета. Игорек похолодел: синие купальные мамины трусики лежали скомканные в кармане его белых удлиненных шорт, висящих на спинке стула. Еще вчера, отказавшись от вечернего с мамой променада по курортному городу, Игорек сославшись на головную боль, оставил ее в приоткрытом летнем кафе и незаметно ускользя, прискакал в их с мамой номер. Не уступающий в наблюдательности лучшим шпионам, Игорек заметил, что когда они днем вернулись с пляжа, мама, будучи подшофе, забыла прополоскать снятые купальные трусики, и просто бросила их на свою кровать, тем самым определив дальнейшую судьбу вечера для своего сына. Игорь любил купальные трусы матери, потому что в них можно было кончать, не боясь быть пойманным: сохли они быстро и быстро отстирывались от спермы.

Весь вечер Игорь лежал в номере, смотрел телевизор и лениво дрошил, вдыхая запах чистой женской промежности. Обкончав трусики, постирал и положил в карман шорт, решив, как мама придет и ляжет спать, повесить их тайком на балконе сушиться, а утром положить их туда, где были – на прикроватную тумбочку.

Однако мать он не дождался, уснул не раздеваясь, а утром увидел картину, которая отпечатается у него в душе на всю жизнь. Сначала он услышал скрежет ключа в замочной скважине, непривычно долгий скрежет, обычно мама открывала дверь на раз. Он уже хотел встать, когда дверь все – таки открылась. Раздались шаги и звук открывающейся и тут же закрывшейся двери в ванную. Игорь долго лежал и ждал, но мама не выходила. Потом он услышал приглушенный смех и возню. Он похолодел. Мама была не одна! «Надеюсь, она с подругой» – глуповатая мысль пришла Игорьку и тут же ушла, устыдившись сама себя. Игорек лежал, сжимая и разжимая вспотевшие руки, стараясь унять отчаянно бившееся сердце и пытаясь понять, что ему делать: кинуться к маме или лежать на месте? Он боялся, что если он кинется к ней, то сполна получит увесистых затрецин от пьяной женщины. А ругани будет еще больше... А будучи настолько пьяной, мама себя плохо контролировала в плане агрессии, уж он то знал.

Тем временем в ванной все надолго затихло, потом раздался громкий шорох и торопливый бубнеж мамы. Затрецила пластиковая дверь напольного душа, загрохотали какие то банки, потом раздался мамин вскрик, постепенно переходящий в хныканье. Внезапно он

прекратился, и тишину нарушил звук маминого тихого мычания. Игорек жалобно застонал и вскочил. Потом мычание прекратилось и раздались голоса: судя по всему мама кого то уговаривала, да так жалобно, что сердце у паренька не выдержало. Он подошел и открыл дверь.

В предрассветном сумраке он увидел совершенно голую маму, сидевшую сгорбившись напротив двери на унитазе и опустив голову. Груди ее свободно висели над животом, ноги были широко расставлены.... мамина пизда, щедро обрамленная темными густыми волосами, резко контрастирующая с бледно – белым пятном живота и паха, была открыта и доступна для взгляда Игорька... Находясь в возбужденном и шоковом состоянии, паренек лишь мимолетно взглянул на нее, не осознав, что он наконец то увидел предмет своих фетишистских обожаний, который знал до этого знал только по запахам ...

«Маам» – как маленький протянул Игорек. Мать подняла голову и закричала «Ты не спиши, маленький засранец.... !». Маленький восемнадцатилетний засранец в ужасе выскочил из ванной, однако отчасти успокоенный тем, что матери помочь не нужна, а значит все не так уж плохо.

В дальнейшем он просто лежал на кровати и слушал: опять были уговоры и плач и причитания. Потом он услышал маминый пьяный крик «Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ЕГО В РОТ, РУСЛАН, МЕНЯ ЖЕ ЩАС ВЫРВЕТ».

Обессиленный и дрожащий Игорек прилег на свою кровать и не заметил, как уснул. А утром проснулся и сквозь пелену полузакрытых век урывками наблюдал утренний похмельный секс своей мамы и Руслана. Мама двигалась сосредоточено и молча, придерживая свои сиськи ладонями и изредка поглядывая в сторону сына, спит ли он. Пару раз в течение этого действия Игорек забывал, что эта женщина с хорошим загаром, полоской белого тела в районе широких бедер и большими чуть отвислыми молочными грудями – его мама, и тогда волна жаркого возбуждения охватывала его с головы до ног.

Тем временем мама продолжала искать свои купальные трусики. Игорь понял, что надо вставать.

Конец первой части